

Телеологическое толкование категории «исключительное право»

Аннотация. В статье рассматривается проблема толкования исключительного права, которое вопреки закреплению в качестве единой категории формулируется дифференцированно применительно к различным объектам интеллектуальных прав; выделяемые в нем правомочия, составляющие (хотя и не исчерпывающие) его содержание, также не совпадают в разных результатах интеллектуальной деятельности и средствах индивидуализации. Применение метода телеологического толкования позволяет рассмотреть исключительное право как в рамках «конфликтного права», так и в рамках «права сотрудничества»; как в статике, так и в динамике правоотношения. Целями, для которых нормативно сформулировано исключительное право, является определение: прав лица на собственные действия; действий, составляющих правонарушение; предмета договора о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Указанные основные цели могут содержать еще дополнительные, например определение объема правонарушения. Нормативное оформление содержания исключительного права является многослойным и многовариантным, но внешние противоречия снимаются благодаря телеологическому толкованию, учитывающему цели правового регулирования.

Ключевые слова: исключительное право; правовое регулирование; нарушение исключительного права; абсолютное право; договорное регулирование; телеологическое толкование; лицензионный договор; правомочия; содержание исключительного права; способы и приемы толкования.

Для цитирования: Зыков С. В. Телеологическое толкование категории «исключительное право» // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 94–100. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.094-100.

Teleological Interpretation of the Category “Exclusive Right”

Sergey V. Zыkov, Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS
ul. Nikolaeva, d. 8, Novosibirsk, Russia, 630090
zykovsv@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of interpretation of the exclusive right that, contrary to being consolidated as a single category, is formulated differently in relation to different objects of intellectual rights; the powers allocated therein, which constitute (although not exhaustively) its content, also do not coincide in different results of intellectual activity and means of individualization. The use of the teleological interpretation method allows the authors to examine the exclusive right both in the context of the “conflicting right” and the “right to cooperate”, both in statics and in dynamics of legal relations. The purposes for which the exclusive right is normatively formulated are to determine: the rights of a person to his own actions, actions constituting an offense, the subject matter of the contract on granting the right to use the result of intellectual activity and

© Зыков С. В., 2021

* Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН
ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
zykovsv@yandex.ru

means of individualization. These main objectives may contain additional ones, such as determining the scope of the offence. The normative design of the content of the exclusive right is multilayered and multi-variant, but external contradictions are removed due to teleological interpretation that takes into account the purposes of the legal regulation.

Keywords: exclusive right; legal regulation; violation of exclusive right; absolute right; contractual regulation; teleological interpretation; license contract; entitlements; content of the exclusive right; methods interpretation.

Cite as: Zykov SV. Teleologicheskoe tolkovanie kategorii «isklyuchitelnoe pravo» [Teleological Interpretation of the Category “Exclusive Right”]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):94-100. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.094-100. (In Russ., abstract in Eng.).

Категория «исключительное право» в действующем Гражданском кодексе РФ¹ рассматривается в качестве единой. Это единство подчеркивается в противопоставлении личным неимущественным и иным интеллектуальным правам.

Как известно, основополагающий вклад в разработку ч. IV ГК РФ внес (умерший до ее принятия) В. А. Дозорцев, который видел в качестве важнейшей задачи «объединение разрозненных, обособленных режимов в единую систему, которую цементируют общие положения»². Разумеется, в этой системе должны, по его мнению, получить исключительные права как «единая категория»³. Это идея была развита разработчиками ч. IV ГК РФ в окончательной редакции, которые подчеркивали, что исключительное право является «наиболее важной категорией», которая занимает «основное место» в системе правовых норм разд. VII ГК РФ, построенного на базе «единой юридической конструкции»⁴ (курсив источника).

В конечном итоге эта концепция восходит к дореволюционной российской цивилистике, где идею абсолютного имущественного права на *sui generis* нематериальные объекты обосновывал,

в частности Г. Ф. Шершеневич⁵. Поскольку советское право отказалось от концепции исключительного права, до 1990-х гг. развитие указанного подхода поддерживалось только в литературе русского зарубежья. Так, В. А. Рязановский отмечал тождественность права на изобретения авторским правам⁶, А. А. Пиленко определял патентное право как «авторское право в области техники»⁷.

Итак, категория единого исключительного права обозначена в качестве основополагающей в ч. IV ГК РФ. Но если так, то возникает вопрос: для чего помимо определения в общих положениях (ст. 1229 ГК РФ) оно самостоятельным образом формулируется применительно ко всем отдельным объектам интеллектуальных прав (ст. 1317, 1324, 1330, 1339, 1358 ГК РФ и др.)?

Речь идет не об отдельной правовой норме, данное противоречие носит системный характер, логично предположить, что оно не случайно. Полагаем, что в этом случае уместно использовать телеологический метод толкования, «направленный на раскрытие общего смысла и содержания правовых норм», в том числе «наличных целей действующих правовых норм»⁸. К данному способу толкования

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая // Российская газета. № 289. 22.12.2006.

² Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М., 2003. С. 11.

³ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 36.

⁴ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. М., 2008. С. 281–283.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. С. 236–237

⁶ Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву. Вып. III. Харбин, 1923. С. 99.

⁷ Пиленко А. А. Право изобретателя. М., 2001. С. 674.

⁸ Насырова Т. Я., Лазарев В. В. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 2. С. 27–28.

близок функциональный, но он применяется или в условиях становления правовой системы, или к оценочным понятиям⁹. Очевидно, что эти обстоятельства в данном случае отсутствуют: подотрасль интеллектуальных прав уже долгое время относительно стабилизировалась, а «исключительное право» не обладает признаками оценочного понятия.

Выявление целей действующих правовых норм отнюдь не означает, что эти цели были сознательно поставлены разработчиками нормативного правового акта (в данном случае ч. IV ГК РФ) на всех этапах его разработки. Уже упомянутый В. А. Дозорцев предлагал «включить в общие положения примерный перечень действий, составляющих содержание права использования, и примерный перечень действий, составляющих нарушение прав правообладателя, определив и некоторые специальные составы, составляющие злоупотребление исключительным правом и недобросовестную конкуренцию в этой сфере»¹⁰. Насколько можно понять это предложение, речь должна была идти об отдельных, обособленных перечнях, по данному пути разработчики окончательной редакции ч. IV ГК РФ не пошли. В то же время А. Л. Маковский, указывая на относительную случайность перечней правомочий (по его мнению, они скорее определяются развитостью соответствующей области законодательства или необходимо вытекают из правил и предписаний международных договоров), подчеркивает, что они имеют юридическое значение в двух отношениях: во-первых, позволяют «сравнительно легко определить круг действий, являющихся нарушениями соответствующего исключительного права, во-вторых, «градация способов использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации облегчает заключение лицензионных договоров», а также их толкование¹¹.

Но вопрос скорее в том, какие функции выполняют принятые правовые нормы объ-

ективно, в процессе последующего правоприменения, что может не всегда совпадать с субъективными установками тех, кто разрабатывал и принимал законопроект.

Первая цель нормативного закрепления исключительного права, предельно очевидная, — обозначить его пределы как абсолютного права. В свою очередь, здесь следует выделить два основных аспекта: право на собственные действия и действия, совершение которых без согласия управомоченного лица будет представлять собой нарушения.

1. В отношении права на собственные действия общее определение (п. 1 ст. 1229 ГК РФ) содержит ограничительную формулировку «любым не противоречащим законом способом». Эта клаузула повторяется применительно к произведениям (п. 1 ст. 1270 ГК РФ), объектам смежных прав (ст. 1317, 1324, 1330 ГК РФ; кроме смежного права на базу данных; право публикатора — посредством отсылки к общему определению), объектам патентных прав (п. 1 ст. 1358 ГК РФ), товарным знакам (п. 1 ст. 1484 ГК РФ) и т.д. Каково содержание этого ограничения? Единственное, что можно подвести под него, — указанные в ГК РФ применительно к каждому юридическому институту «действия, не являющиеся нарушениями исключительного права» на соответствующий объект, или случаи «свободного использования» (обобщенно обозначены в первой фразе абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ: «Другие лица не могут использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом»). Разумеется, такая связь является, мягко говоря, натянутой: указанные случаи дают третьим лицам право использовать объект без согласия правообладателя, но никак не запрещают последнему их совершать. Очевидно, что эту клаузулу в определении исключительного права нужно уточнить.

⁹ Кузьмин И. А. Правовая природа и особенности практического применения функционального и телеологического способов толкования права // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 2 (4). С. 33–34.

¹⁰ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 23.

¹¹ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 291.

Как уже отмечено, содержание понятия «исключительное право» обозначено предельно широко и закрепляет за правообладателем возможность совершения любых действий с нематериальным объектом. Стабильно повторяется закреплённая в общем определении формулировка «любым способом», перечни правомочий, входящих в состав исключительного права, являются, как правило, открытыми (закрытый перечень дается применительно к исключительному праву публикатора).

Вместе с тем нельзя не заметить, что фактический объем исключительного права меньше, чем можно было бы понять из его общего определения. Скажем, осуществление исключительных патентных прав предполагает материальное воплощение, исключительное право на селекционное достижение вообще неотрывно от материальной формы. Товарный знак применяется лишь к определенным товарам, работам услугам; не имеет привязки к конкретной продукции лишь общеизвестный товарный знак, но и он может свободно использоваться иными лицами в целях, не связанных с продвижением товаров и услуг; наименование места происхождения товара привязано только к определенному товару. Можно было бы продолжить и даже выстроить определенную иерархию исключительных прав на различные объекты, но данный вопрос находится за пределами настоящей статьи — хотя бы потому, что методом такого построения является систематическое, а не телеологическое толкование норм закона.

2. Вторая цель норм, посвященных исключительному праву, — определение действий, совершение которых иными лицами без согласия правообладателя представляет собой правонарушение. В этом аспекте необходимо обратиться не только к общему определению, но и к конкретным правомочиям.

Первая проблема состоит в том, что перечни этих правомочий, как уже говорилось, являются открытыми. Открытость же перечня предполагает некоторую случайность, эвентуальность

его состава. Такая постановка вопроса, казалось бы, противоречит принципам защиты исключительного права как абсолютного и основаниям привлечения к ответственности. Можно усмотреть здесь и базовое противоречие: отношения соперничества («конфликтное право»), как отмечается в литературе (Н. А. Придворов, В. В. Трофимов), предполагают доминирование разрешительного типа правового регулирования и императивный метод¹².

Очевидно, разрешается указанное противоречие следующим образом: правомочия, *частично* раскрывая содержание исключительного права, не охватывают его объема полностью. Их значение — своеобразное содействие в доказывании факта нарушения, а также объема нарушения.

Последнее явно требует пояснений. Определение объема нарушения или количества нарушений имеет значение для определения конечного размера компенсации за нарушение исключительного права, взыскиваемой вместо возмещения убытков.

В пункте 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³ (далее — Постановление ВС РФ № 10) обозначено: использование каждым способом составляет по общему правилу отдельное нарушение. Однако если несколько способов направлено на *достижение одной экономической цели*, то они образуют одно правонарушение.

Примера приводится два: 1) хранение или перевозка контрафактного товара, которые завершились его введением в гражданский оборот; 2) продажа товара с последующей его доставкой покупателю. Условием единства правонарушения в этом случае является совершение указанных действий одним лицом (в первом случае Постановление ВС РФ № 10 его прямо называет, во втором подразумевает). Заметим, что «хранение» в качестве правомочия, составляющего исключительное право,

¹² Привод. по: Бакулина Л. Т. Телеологические аспекты договорного правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 21.

¹³ Российская газета. № 96. 06.05.2019.

указывается лишь применительно к части объектов: к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам (с оговоркой, что хранение осуществляется для целей введения в оборот, — пп. 1 п. 2 ст. 1358 ГК РФ); к селекционным достижениям (в целях осуществления иных правомочий исключительного права — пп. 7 п. 3 ст. 1421 ГК РФ); к товарным знакам и наименованиям места происхождения товара (такие же клаузулы, как в патентном праве, — пп. 1 п. 2 ст. 1484 и пп. 1 п. 2 ст. 1519 ГК РФ). «Перевозка» упоминается только в составе исключительного права на товарный знак и наименование места происхождения товара в тех нормах и с той же оговоркой, что и хранение.

Несамостоятельность (для указанных целей) данных правомочий прямо указана в ГК РФ. Однако, видимо, она не всегда является для судов очевидной, поскольку в Постановлении ВС РФ № 10 на это отдельно обращается внимание (применительно к товарному знаку — абз. 4 п. 156).

Нетрудно заметить, что правомочия «хранение» и «перевозка» указываются только в составе исключительного права на объекты так называемой промышленной собственности. В отношении правомочий авторского права в абз. 3 п. 89 Постановления ВС РФ № 10 подчеркивается, что «незаконное использование произведения каждым из упомянутых в пункте 2 ст. 1270 ГК РФ способов представляет собой самостоятельное нарушение исключительного права». Таким образом, с точки зрения самостоятельности правомочий исключительного права для целей выявления количества нарушений законодатель проявляет разные подходы применительно к разным объектам интеллектуальных прав.

3. Наконец, третий телеологический аспект рассматриваемых норм — обеспечение сотрудничества сторон в рамках договорно-регулятивного взаимодействия, что предполагает, в частности, обмен определенными благами и предсказуемость другой стороны взаимодействия¹⁴. Применительно к распоряжению исключительным правом это означает необходимость

содействия сторонам в создании максимально возможной определенности в части последствий основного предоставления по договору. Проблемы не возникает, если исключительное право отчуждается целиком, но если предоставляется ограниченное право использования объекта, то объем использования является критически важным условием договора.

Системообразующим договором, регулирующим предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, является лицензионный договор. Применительно к нему действует, как известно, презумпция о том, что право, прямо не указанное в договоре, не считается предоставленным (п. 1 ст. 1234 ГК РФ). Таким образом, цель вычленения правомочий в указанном случае — не только обеспечить определенность в отношениях сторон, но и косвенно защитить правообладателя (лицензиара): прочитав условия договора, он будет четко представлять, какие именно права он утрачивает, независимо от своей правовой компетенции. Наличие данной цели может быть выведено и на основе исторического толкования: генетически лицензионный договор восходит к авторскому, в отношении которого прямо ставилась задача предоставления максимальных гарантий автору (стороне, оказывающей основное предоставление). В пункте 89 Постановления ВС РФ № 10 подчеркивается самостоятельность авторских правомочий, в частности, как предмета лицензионного договора (в том числе в варианте самостоятельных договоров).

Однако здесь возникают минимум две проблемы. Во-первых, такой подход не является универсальным для подотрасли интеллектуальных прав в целом. Многие правомочия, составляющие содержание исключительного права на объекты патентного права, средства индивидуализации, явно не могут выступать самостоятельным предметом лицензионного договора (хранение, использование в документации и т.п.). Причина состоит в том, что во втором случае они выделены не для целей договорного

¹⁴ Бакулина Л. Т. Указ. соч. С. 22.

регулирования, а для определения действий, которые могут составлять правонарушение.

Во-вторых, пусть в меньшей степени, но аналогичные проблемы возникают иногда и применительно к авторским правомочиям исключительного права. Ряд способов использования неразрывно связан с другими. Скажем, получение правомочия воспроизведения экономически бессмысленно без приобретения правомочия последующего распространения воспроизведенных экземпляров произведения. Причина аналогична: целью такого разделения является определение одного из элементов состава правонарушения, а не предмета лицензионного договора.

Соответственно, могут возникнуть и пусть редко, но возникают ситуации, когда правообладатель предоставил правомочие, не предоставив другое, без которого невозможно осуществление переданного. На законодательном уровне вопрос решен только для раритетного случая предоставления права сообщения в эфир организации вещания: она вправе произвести краткосрочную запись соответствующего произведения без согласия правообладателя (ст. 1279 ГК РФ).

Очевидно, что противопоставить возможным недобросовестным претензиям лицензиара в таких случаях можно (наряду с указанием на злоупотребление правом и, возможно, в перспективе на концепцию «подразумеваемых прав» или «экономически взаимосвязанных правомочий», которые могут быть применены лишь в случае своей легализации или закрепления в качестве правовых позиций вышестоящих судов) телеологическое толкование соответствующих норм.

Приведенный выше анализ в целом соответствует функциям исключительного права, выделяемым в современной цивилистической доктрине. При этом В. И. Ерёменко высказывал мнение, что «доктрина раскололась на две части с диаметрально противоположными позициями

в отношении функций исключительного права: либо только позитивная функция, либо только негативная функция»¹⁵. Исследователь называет авторов, которые придерживаются первой (И. А. Блинец, К. Б. Леонтьев, О. Ф. Оноприенко, Р. Мерзликина) и второй (М. В. Лабзин, Е. Дедков) позиции, восходящей к дореволюционным авторам Г. Ф. Шершеневичу и А. А. Пиленко. Нам трудно согласиться с такой постановкой вопроса уважаемым исследователем: на наш взгляд, признание и позитивной, и негативной функции является преобладающим в современной российской доктрине, несмотря на то, что исследователи, рассматривая тот или иной вопрос либо в порядке полемики, могут делать акцент на одной из этих функций. Скажем, М. В. Лабзин рассматривает запретительную функцию как элемент абсолютного правоотношения, фиксирующего статику положения субъекта¹⁶. Нам трудно согласиться и с утверждением уважаемого В. И. Ерёменко о том, что «в части четвертой ГК РФ не была реализована идея В. А. Дозорцева о совмещении права использования и права запрета»¹⁷. Выше цитировался подход к этому вопросу В. А. Дозорцева, который перечислял действия, отражающие разные функции исключительного права в качестве отдельных, т.е. речь у него шла отнюдь не о совмещении.

В то же время, как уже было отмечено, такое разделение на легальном уровне не состоялось, поэтому выявление функций правового регулирования применительно к конкретным нормам сегодня задача правоприменительной практики и доктрины. Кроме того, функции исключительного права (позитивная и запретительная) в качестве целей правового регулирования подлежат дальнейшей дифференциации, не редуцируясь к бинарной оппозиции.

Из всего сказанного следует, что нормативное регулирование содержания исключительного права многослойно и многовариантно (для различных объектов). Конкретные право-

¹⁵ Ерёменко В. И. О содержании исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Изобретательство. 2011. Т. 11. № 4. С. 12.

¹⁶ Лабзин М. В. Исключительное право как элемент правоотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 100–111.

¹⁷ Ерёменко В. И. Указ. соч. С. 3.

мочия вводятся с разными целями определения: 1) права лица на собственные действия; 2) действий, которые являются нарушениями; 3) действий, которые являются самостоятельными нарушениями; 4) предмета лицензионного договора (и договоров, для которых он является системообразующим). Метод телеологического толкования необходим для правильного применения норм, регулирующих содержание исключительного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бакулина Л. Т. Телеологические аспекты договорного правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5 (90). — С. 19–26.
2. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М., 2003. — 416 с.
3. Еременко В. И. О содержании исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Изобретательство. — 2011. — Т. 11. — № 4. — С. 1–14.
4. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. — М., 2008. — 715 с.
5. Кузьмин И. А. Правовая природа и особенности практического применения функционального и телеологического способов толкования права // Социальная компетентность. — 2017. — Т. 2. — № 2 (4). — С. 33–37.
6. Лабзин М. В. Исключительное право как элемент правоотношения // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 4. — С. 100–111.
7. Насырова Т. Я., Лазарев В. В. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1988. — № 2. — С. 27–33.
8. Пиленко А. А. Право изобретателя. — М., 2001. — 688 с.
9. Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву. — Вып. III. — Харбин, 1923. — 101 с.

Материал поступил в редакцию 8 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakulina L. T. Teleologicheskie aspekty dogovornogo pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 5 (90). — S. 19–26.
2. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii : sbornik statej. — M., 2003. — 416 s.
3. Eremenko V. I. O sodержanii isklyuchitel'nogo prava na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti // Izobretatel'stvo. — 2011. — T. 11. — № 4. — S. 1–14.
4. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (poglavnyj) / pod red. A. L. Makovskogo. — M., 2008. — 715 s.
5. Kuz'min I. A. Pravovaya priroda i osobennosti prakticheskogo primeneniya funkcional'nogo i teleologicheskogo sposobov tolkovaniya prava // Social'naya kompetentnost'. — 2017. — T. 2. — № 2 (4). — S. 33–37.
6. Labzin M. V. Isklyuchitel'noe pravo kak element pravootnosheniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 4. — S. 100–111.
7. Nasyrova T. Ya., Lazarev V. V. Teleologicheskoe tolkovanie sovetskogo zakona i pravotvorchestvo // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. — 1988. — № 2. — S. 27–33.
8. Pilenko A. A. Pravo izobretatelya. — M., 2001. — 688 s.
9. Ryazanovskij V. A. Lekcii po grazhdanskomu pravu. — Vyp. III. — Harbin, 1923. — 101 s.